

Иоффе, Э. Г. Проблема идентичности в мировой и белорусской историографии (рецензия на монографию О. М. Шутовой «Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века») / Э. Г. Иоффе // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 5 / Рэдкал. У. Н. Сідарцоў (адк. рэд.), С.М. Ходзін (нам.адк. рэд.) [і інш.] – Мн: БГУ, 2009. – С. 168–172.

Э. Г. ИОФФЕ

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В МИРОВОЙ И БЕЛОРУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ (Рецензия на монографию О. М. Шутовой
«Историография и постмодерн: вопрос об идентичности
во второй половине XX — начале XXI века»)**

Кажется, совсем недавно я выступал экспертом на защите кандидатской диссертации Ольги Шутовой «Американская психоистория (1960—1990-е гг.)». С тех пор прошло одиннадцать лет.

Выпускница истфака БГУ 1992 г. стала обладателем многих международных грантов, талантливым ученым-историком, членом редколлегий журналов, издающихся как в Республике Беларусь, так и в США. Она известна как автор и соавтор нескольких десятков оригинальных работ по теории истории, историографии, интеллектуальной истории, гендерной истории, получивших известность не только в Беларуси, но и за ее пределами.

И вот новая монография О. М. Шутовой с несколько необычным названием «Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX — начале XXI века». Она вышла в 2008 г.

Несомненно, это фундаментальное исследование, в котором анализируются изменения, произошедшие в истории под влиянием постмодерна, прослеживается тенденция эволюции историографии в направлении теории истории и интеллектуальной истории.

Хотя тема работы сформулирована достаточно широко («историография» в целом, не оговаривается ее «география»), речь в ней идет

168

преимущественно об англо-американской и французской исторической мысли, с нередкими отступлениями к белорусскому контексту. Это последнее обстоятельство делает данную книгу особенно актуальной. Подобное исследование, выявляющее актуальные тенденции в современной западной исторической мысли в столь широком масштабе, является первым в белорусской историографии.

В основе работы лежит идея «перевода» для историков основных проявлений «постмодерна» и «постмодернизма», причем сквозь весь текст проходит мысль о том, что «деконструкция референциальности и конструирование идентичности пронизывают большинство направлений западной историографии». Именно вопрос об идентичности является «формообразующим» для всех тех явлений, которые анализируются в работе: перестановка акцентов с изучения «объективных» институтов общества на «субъективное» — человеческий опыт в истории и его отражения, полифония и культурное разнообразие, инаковость, постколониальные исследования, этнонациональные исследования, прошлое, память, история, историография, интеллектуальная история, нарратив, новый историзм.

Работа, претендующая на подобный этому масштаб — выявление тенденций в современной западной исторической мысли, — безусловно, является насущной необходимостью для белорусских историков. Тем более что автор делает попытки обозначить некоторые перспективы для нашей историографии в свете тех изменений, которые произошли в среде западных исследователей истории.

Несмотря на спорный характер некоторых заявлений автора (например, о «мета-нарративе» и его значении в белорусской историографии, о «новом историзме» как о возможной альтернативе «спасения» истории от лингвистического поворота и т. д.), очевидно, что работа представлена серьезными размышлениями, за которыми стоит изрядное количество переработанного материала — как теоретических трудов из области философии истории и интеллектуальной истории, так и практических исследований западных историков. Подобная попытка ответить на вопросы о роли истории и историографии в наше время, невзирая на некоторую амбициозность, может стать весьма актуальным событием для белорусского сообщества историков, а мысль об историографии как «носителе» идентичности самой истории может послужить толчком для роста историографических исследований в этом направлении.

169

Монография состоит из четырех частей.

Уже в первой части («Постмодерн: некоторые последствия в гуманитарном стане») прослеживаются основные мотивы, постепенно раскрывающиеся на протяжении остального текста: идеи постструктурализма, литературоведения и критики, «культурных исследований», гендерной теории, постколониальный нарратив и др. Очевидно, что весьма широкая формулировка темы создавала для автора трудности: многочисленные и разрозненные материалы этой части дают достаточно разрозненные эскизы к общей картине постмодерна, порой неясны критерии, по которым привлекаются те или иные источники, однако в целом авторский замысел достаточно понятен — «осколочность» постмодернистской «чувствительности» и различные проявления постмодерна выявляются с точки зрения их вовлеченности в процесс идентификации.

Вторая часть монографии «Основные составляющие дискурсивного поворота» носит более «теоретический» характер и посвящена проблемам осознания языкового характера мышления. В ней акцентируются структуралистские и постструктуралистские регистры лингвистического дискурсивного поворота; полифонический характер англо-американской историографии на современном этапе. На этом фоне здесь также проводится мысль о взаимосвязи лингвистического дискурсивного и антропологического поворотов, и в частности по линии о персонификации, «субъективизации» любого представления, языковом характере сознания и его изучении с точки зрения «знаковости», индивидуальности проявлений.

Третья часть «“Культурный” поворот в историографии: дискурсивный и антропологические перекрестки» рассматривает основные черты «антропологического поворота», представления о «культуре», а также связанное с ними изучение идентичности, проявляющиеся в сфере этнонациональных и постколониальных исследований. Мнения, высказываемые автором в этой части, могут показаться спорными, неоднозначно могут оцениваться рефлексии автора над проблемами отражения, конструирования, идентичности, инаковости, исключения в современности, однако несомненна авторская заинтересованность, личностный момент в исследовании, как несомненна и актуальность постановки данных проблем в белорусской историографии.

Четвертая часть «“Новые”: историзм, историография, интеллектуальная история» и по своему тематическому охвату (от проблем современной исторической эпистемологии к истории белорусских истори-

ков), и по глубине поднимаемых проблем (роли истории и историографии, перспективы белорусской историографии) очевидно является главной в монографии. В ней проводится анализ взаимоотношений между исторической памятью, историческим сознанием, историей и историографией — этими элементами исторической культуры, которые претерпевают серьезные изменения в контексте постмодерна. При этом «объединительной» линией вновь служит вопрос об идентичности и трансформации самой историографии — как в направлении философско-историческом, так и как части интеллектуальной истории.

Следует сказать, что «Заключение» монографии оставляет впечатление некоторой незавершенности, которое, возможно, связано с проблематичностью самой темы. Постмодерн — открытый период, каковы векторы его развития или трансформации? Какими будут дальнейшие последствия его для историографии, и каковы возможности решения одной из вечных проблем истории — «идентичности»? Работа скорее, ставит вопросы, чем дает на них ответы.

Автору вполне удалось обрисовать картину привнесенных постмодерном в западную историографию «новшеств»: внимание к проблемам идентичности и инаковости, перестановка акцентов с изучения «объективной реальности» на «опыт», исследование «знаков» человеческой деятельности, обращение к изучению «представлений» и т. д. Представляется актуальной, хотя и местами спорной, и авторская попытка осмысления перспектив белорусской историографии на фоне этих характеристик.

Следует отметить, что попытка автора охватить столь широкий круг проблем имеет и слабые стороны, и калейдоскопическая «картина» нынешнего состояния исторических исследований на Западе не может претендовать на полноту, если в ней доминирует главным образом американская и французская тематика. Впрочем, автор, видимо, понимает это, весьма условно определяя свою работу как «размышление», «ареал» своих исследований как «западный», а ситуацию как «постмодерн», оговаривая неоднозначность этого термина. В то же время по ходу работы делаются многочисленные референции в белорусскую историографию. В связи с этим текст монографии представляет собой скорее серию очерков, пронизанных общей идеей об идентичности, причем наблюдается некоторая их неравносность. В то же время текст отмечен личностными позициями автора, написан живым языком, и есть надежда, что он будет востребован белорусскими историками.

Поражает научная смелость автора, рассматривающего самые острые, самые актуальные, самые

злободневные и архиважные, во многом неисследованные проблемы развития исторической науки, историографии в разных странах мира, в том числе в Республике Беларусь.

Ценность монографии О. М. Шутовой заключается также в том, что она умело использует новейшую литературу по истории, историографии, философии, психологии на английском, французском, белорусском и русском языках, вводит в наш научный оборот наработки и идеи многих зарубежных ученых.

Информацией к размышлению можно считать три таблицы, приведенные в приложении, которые позволят нашим ученым сравнить тематику исследований белорусских и американских историков. Речь идет о тематической классификации заседаний съезда Американской исторической ассоциации 2007 г., тематической классификации защищенных в Беларуси докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам за 2005—2007 гг. и тематической классификации диссертаций, защищенных в 2005—2006 гг. в Нью-Йоркском университете, Университете Джона Хопкинса, Гарварде и Принстоне.

В то же время рецензируемая монография не лишена некоторых недостатков.

Во-первых, вопросов в ней значительно больше, чем ответов на них. *Во-вторых*, чтобы монография О. М. Шутовой дошла до широкого круга читателей (о чем сказано в аннотации), необходимо уменьшить количество научных, иностранных терминов на многих страницах книги и заменить их русскими синонимами, а также в ряде мест изменить академический язык повествования. Речь идет о разрешении проблемы сочетания научности с популярностью. *В-третьих*, из 7 страниц раздела «Вместо заключения» белорусской историографии уделено только два предложения. *В-четвертых*, к сожалению, в книге отсутствует очень нужный здесь именной указатель.

Отмечая ценность и важность монографии О. М. Шутовой для ученых-историков и ученых-философов нашей республики, хочется закончить рецензию последними строками этой книги: «Понимание соотношения постмодернизм — постколониализм — глобализация с точкой отсчета в виде понятия «идентичности» может открыть широкие возможности для (пере)осмысления нашей истории».